

Анастасия Вербицкая

Пробуждение

Анастасия Вербицкая

Пробуждение

«Public Domain»

1904

Вербицкая А. А.

Пробуждение / А. А. Вербицкая — «Public Domain», 1904

«— Нелли... Один поцелуй... Один только, и я уйду... Я прошу о пустяках...— Нет!.. Нет!.. Егор Дмитрич... Это не пустяки... Я... я не хочу потихоньку целоваться! Она стояла в амбразуре окна, рельефно выделяясь на тёмном фоне драпировки светлым платьем, всей высокой тонкой фигурой и золотистой головкой. В свои семнадцать лет она была свежа и прекрасна как ясное весеннее утро...»

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Анастасия Вербицкая

Пробуждение

I

– Нелли... Один поцелуй... Один только, и я уйду... Я прошу о пустяках...

– Нет!.. Нет!.. Егор Дмитрич... Это не пустяки... Я... я не хочу потихоньку целоваться!

Она стояла в амбразуре окна, рельефно выделяясь на тёмном фоне драпировки светлым платьем, всей высокой тонкой фигурой и золотистой головкой. В свои семнадцать лет она была свежа и прекрасна как ясное весеннее утро.

Красивый брюнет, казалось только что соскочивший с картинки модного журнала, стоял около Нелли и крепко держал её руки, стараясь заглянуть в её опущенные, скрытые под тенью пушистых ресниц глаза. И торжествующая усмешка сверкала в молодом ещё, но уже порядочно помятом лице брюнета. Он верил в свою силу, в своё знание женского сердца. Девушка, только в мае покинувшая стены института, почти ребёнок... Жаркий румянец стыда на её полудетском личике, испуганные движения, трепет её груди – как всё это понятно и красиво!.. И как страшно много для неё в этом первом признании, в первом поцелуе!

В гостиной, кроме них, не было никого.

Опущенные тяжёлые драпри и портьеры создавали искусственный полумрак в этой красивой комнате, где мебель казалась разбросанной причудливыми группами капризной рукой. Там, за стенами гостиной, всё спало в томлящем зное безоблачного июльского дня, скованное неодолимой дремой. Страшно было раздвинуть портьеры и перейти в залитый солнцем, весь сверкающий в его лучах зал... Казалось, что так и окунёшься в горячую ванну.

– О, какое институтство, Нелли!.. Где вы вычитали, что влюблённые целуются при публике?

– Нет!.. Нет!.. Это нельзя... Вы понимаете?.. Грешно обманывать... Ах!.. Боже мой!.. Уж если вы так хотите, то поцелуйте меня при Лили! – набравшись смелости, выкрикнула девушка почти с отчаянием.

У брюнета лицо вытянулось. «Вот так удружила!»

За этой Лили, замужней сестрой и опекуницей Нелли, у которой девушка теперь жила по выходе из института, Вроцкий «ухаживал» целых два года, и безуспешно... Ей-то уж, конечно, он последней признался бы в своих стараниях завладеть сердцем Нелли.

– Нет!.. Это... это чёрт знает что такое!.. – вспыхнул Вроцкий и вдруг испуганно оглянулся.

Сноп яркого света ворвался в комнату. На пороге, подняв одной рукою портьеру и напряжённо вглядываясь в полутьму гостиной серыми близорукими глазами, стояла маленькая красивая брюнетка.

– Нелли... Жорж... Вы здесь? Представьте, какой ужас!

– Qu'est-ce qu'il y a?¹ – пробормотал Жорж, отскакивая от девушки как резиновый мяч и стараясь соорудить равнодушную мину.

– Мёртвое тело нашлось...

Елизавета Николаевна опустила портьеру, упавшую мягкими тяжёлыми складками, и снова они все очутились в полумраке.

«Слава Богу, ничего не заметила», – подумал Жорж.

¹ В чем дело? – фр.

– Представьте!.. Верстах в пяти отсюда... около станции К***... поездом раздавило какого-то мужика...

– То есть... собственно говоря... что тут ужасного?.. – опомнился, наконец, Жорж, вскидывая на нос пенсне и опять чувствуя почву у себя под ногами.

– Как что ужасного, Жорж?.. А знаете ли... Здесь прелестно!.. Как легко дышится!

Она оглянулась и села на мягкий пуф, стоявший по дороге.

– Да мало ли народу давят поезда каждый день! Что вы, собственно, нашли здесь сенсационного?

Стоя перед Елизаветой Николаевной, спиной к Нелли, заложив руки в карманы своего невозможно короткого пиджака и медленно раскачиваясь на каблуках, он был великолепен как всегда.

– Ne dites pas de bêtises, George!..² Это будет первое мёртвое тело, которое я увижу.

– Ah!.. C'est autre chose...³ А зачем вам его видеть?

– Вы забываете, что я – писательница! – напомнила Елизавета Николаевна и с комичной важностью высоко подняла свою хорошенькую головку.

– Saperlipopette!..⁴ Я всегда с удовольствием забываю об этом... Для такой прелестной женщины...

– Знаю, знаю наперёд всё, что вы скажете... Это скучно, наконец!.. Нет, в самом деле, – заволновалась Лили, – если мне когда-нибудь придётся описывать смерть? Помните, у Тургенева?.. У Толстого?.. Ведь, это всё с натуры.

– Мм... – глубокомысленно мычал Жорж, продолжая раскачиваться на каблуках.

– Я положительно стою за то, чтобы писать с натуры... Этого вымысла, фантазии отнюдь... Я – реалистка... Этим, конечно, объясняется успех моей первой повести.

«Опишет... Как пить дать, опишет... – думал Жорж, крутя пенсне кругом пальца. – И дёрнула меня нелёгкая ухаживать за нею прежде!.. Всё дело испортил... А главное – целиком выставит... Имя, и то еле изменит... Ох уж эти *реалистки*»...

– А propos...⁵ Что вы тут делали? – полюбопытствовала Елизавета Николаевна.

– Анна Николаевна потеряла свой альбом, и мы его искали здесь, – не сморгнув, соврал Вроцкий.

– О, неправда! – крикнула Нелли, молчавшая всё время. – Альбом в беседке... Вы это знаете... Зачем вы говорите неправду?

Нелли вспыхнула; ей стало так стыдно за себя и за Вроцкого, что слёзы выступили у неё на глазах.

– О, sancta simplicitas!⁶ – неловко рассмеялся Вроцкий.

«Вот и извольте с такими дурами тонко свои дела вести!..» – ругался он про себя.

– Нет, это прелестно! – звонко и злорадно хохотала Елизавета Николаевна.

«Вот уж теперь не пощадит... Опишет, несомненно... На весь уезд осрамит, – думал Вроцкий, нервно топчась по гостинной и натыкаясь на мебель. – И это будет называться женской мстостью»...

² Не будьте глупым, Жорж!.. – *фр.*

³ Ах!.. Это что-то другое – *фр.*

⁴ Проклятье! – *фр.*

⁵ К слову – *ит.*

⁶ О, святая простота! – *лат.*

II

Лет семь тому назад на место земского врача в уездном городе N*** определился некто Литовцев. Это был суровый по виду и жёлчный молодой человек, оказавшийся впоследствии очень характерным и дельным. Он держался независимо и замкнуто, так что в уезде все его побаивались. Любили его только его подчинённые, служившие при земской больнице, да крестьяне, доверявшие ему безусловно и охотно, что так редко бывает, ложившиеся в его больницу.

Встретив блестящую, бойкую Лили, Литовцев влюбился в неё как-то мучительно, упорно и жестоко страдал от сознания, что он, бедняк, не пара этой богатейшей невесте во всём уезде.

Лили, которой надоели её женихи и поклонники, была очарована оригинальностью Литовцева, его суровым красивым лицом, его жёлчной и подчас дерзкой речью... Таких как он она ещё не встречала и потому сказала себе, что не уснёт спокойно, пока не увидит его у своих ног. Убедившись, наконец, в страсти Литовцева, Лили сама кинулась ему на шею, смеясь устранила все затруднения и уверила его, что отравится, если не станет его женой.

О свадьбе их и сопряжённых с нею празднествах в N*** помнили и через семь лет. Это было желание Лили, которая не терпела ничего заурядного. Литовцевы слыли самой красивой парочкой во всём уезде и самой счастливой. Хозяйкой Лили оказалась образцовой. Прислуга у неё была вся из столицы, и при этом «вымуштрована». Всё в доме шло по раз заведённому порядку, всё блестело и сверкало, нигде ни пылинки... Салон Лили считался в N*** первым по вкусу и тону, хотя кругом и немало было богатых помещичьих домов. Сама Лили как-то удивительно ловко умела быть «своей» в каждой партии и всех примирять в своей японской гостиной. Этот индифферентизм жены возмущал Литовцева, но Лили со смехом оправдывалась благотворительными целями. Действительно, сердце у неё было доброе, и она великодушно жертвовала мужу крупные суммы на его больницу, на инструменты, на лекарства, зная, как мучается он недостатком в них, зная также, что он отдаёт на больницу, а ещё чаще больным чуть ли не последний рубль своего личного заработка.

Эта доброта трогала Литовцева.

– Но одних денег мало, Лили, – заговорил он один раз. – Если б ты попробовала...

Лили, не дослушав, замахала на него руками.

– Нет... нет... ради Бога!.. Эта нищета, эти язвы... Я не вынесу... я заболею сама... Мои нервы... И если ты меня любишь, Поль...

Такого отпора Литовцев не ожидал, и разочарование его было так сильно, что он не спал всю ночь после этого разговора. Но он был упорен и затрагивал эту жгучую для него тему не раз. Через полгода, однако, он убедился, что Лили глуха ко всем его доводам и убеждением. Она не хотела себе нарочно портить жизни... Нет, зачем... Мало ли есть способов делать добро?.. И она с увлечением устраивала в пользу бедных и больных концерты, аллегри, балы и спектакли, в которых участвовала сама, и с этой целью выписывала себе туалеты из Парижа.

Литовцев с женитьбой не изменил ни в чём ни своего образа жизни ни привычек. Из жениных денег он ни копейки не тратил на себя, довольствуясь собственным заработком. Он сторонился от шумных сборищ жены, видел её только за столом и редко наедине. Через три года такой жизни Литовцев, любя жену той же мучительной страстью, знал, что между ними нет ни одной нравственной связи, что они – чужие.

Тогда Литовцев ещё с большей энергией отдался борьбе с враждебной партией, с этими хищниками, жадно толпившимися у «общественного пирога» – с этой «костюдой земского организма», как выражался он. С головой ушёл он и в науку и в свои заботы о больнице.

От частной практики у богатых помещиков, веривших в его талант диагноста, он нередко уклонялся, под предлогом, что не хочет «отбивать хлеб» у своих товарищей, но никогда не

отказывался ехать на помощь к тёмному люду и в уезд, как бы далеко ни лежало селение от N***.

Лили, ревновавшая вначале мужа к его деятельности, раз как-то отказала одному посланному от бесплатного больного.

– Дома нет...

А потом набросилась на прислугу:

– Неужели сами не понимаете? Барин вернулся из уезда, всю ночь не спал... Только задремал...

Когда Литовцев узнал об этом, он так взглянул на жену, что она тут же села на первый подвернувшийся стул.

– Чтoб этого больше не было, Лили!.. Поняла?

О, конечно, она поняла, и больше этого не было... Стоит о нём заботиться!

Прошло ещё три года шумной жизни. Устала, наконец, и Лили... Всё надоело: приёмы, хозяйство, поклонники, филантропия... Хотелось чего-то нового... Детей не было, и Лили скучала и капризничала невыносимо.

Вдруг её «осенило»... Она надумала писать. Разрезая как-то свежую книгу журнала, она с удивлением прочла имя одного автора, и узнала в нём свою подругу по институту. Лили прочла её повесть с волнением и большим вниманием... Очень мило... Но, ведь, и очень просто... и особенного ничего. Взята картинка будничной семейной жизни и очерчена с юмором и большой теплотой... О!.. Так-то и она сумела бы написать!.. Вспомнилось Лили, что всегда она отличалась наблюдательностью, что сочинения в институте давались ей легко, слог у неё был блестящий... И вот закипела работа. Повесть Лили, где она, не задаваясь никакой «идеей», описала свою семейную жизнь и самое себя, со всеми причудами и капризами, была принята одним из лучших журналов и подкупила – одинаково как публику, так и критику – искренностью тона, смелостью языка, красивою новизной приёмов.

У Лили закружилась головка. Сам Литовцев был сначала очень счастлив, но его скоро отрезвило необыкновенно быстро развившееся самомнение у жены.

– Подожди выступать на суд публики со второй вещью, – предостерегал он. – Нельзя спешить в таком деле... Задача эта слишком серьёзна, ответственность слишком велика... Учись, читай больше! Будем читать вместе; ты так мало знаешь...

Но Лили и слушать не хотела. Что за вздор!.. Что за педантизм! На что ей нужно ученье? Оно таланта не даст... А кругом сколько тем! Только взглядишь в окружающее тебя – жизнь даёт эти темы на каждом шагу.

Литовцев отступился.

Лили принялась за большой роман в четырёх частях, где безбожно «выводила» всех знакомых... Хозяйство приходило в упадок, обед подавался не вовремя, поклонникам отказывали от дома... Не беда!.. Зато цель жизни была найдена, зато бедный Поль отдыхал после семи лет от нелепых сцен ревности и от бурь в стакане воды.

Вроцкий появился в N*** три года тому назад. В Петербурге он быстро спустил доставшееся ему от матери состояние и приехал посвятить себя земскому делу в N***. В уезде у него было небольшое имение, где умерла его мать, и много связей и знакомств между помещиками. Вроцкий был ловким малым, имел университетское образование и без труда добился места мирового судьи. Он никак не ожидал встретить в захолустье такой «роскошный цветок», как Лили Литовцева. Из Петербурга он увозил запас поэтических воспоминаний о кутежах у Донона, о жгучих глазах цыганок и о несравненных улыбках французских актрис, затем две дюжины превосходных галстуков и печальную решимость похоронить себя *volens-nolens*⁷ в глуши... И вдруг встреча с Лили!.. Вроцкий воспрянул духом, вооружился обеими дюжинами

⁷ Волей-неволей – лат.

своих галстуков, своею светскою самоуверенностью, бесспорным превосходством петербургского денди над провинциалами, наконец своим знанием женского сердца – знанием, которое он, между прочим, приобрёл лишь за кулисами и в отдельных кабинетах загородных ресторанов – и пустился в атаку. Два года он отчаянно «ухаживал» за Лили, подчас начинал злиться и терять терпение, но был уверен, что она не устоит... И когда – о чудо! – Лили устояла, он к концу третьего года не на шутку, было, увлёкся этим «сероглазым чертёнком», как вдруг в N*** появилась Нелли.

Большого контраста между сёстрами быть не могло. Елизавета Николаевна – маленькая, подвижная, кокетливая брюнетка, экспансивная, взбалмошная, но бесспорно добрая... Нелли – высокая блондинка, задумчивая, застенчивая, сдержанная, вся ещё загадка для других и для самой себя... Вроцкий, обожавший блондинок, не замедлил влюбиться. К тому же, Нелли была богатою невестой, а Жорж сильно нуждался в деньгах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.